

сообщество народов в пределах многонациональной Грузии. В нынешней ситуации веское, научно аргументированное слово этнографов нужно и для развенчивания опасных антинациональных мифов, получающих, к сожалению, распространение в массовом сознании грузинского населения, таких, например, как миф о происхождении абхазов, являющихся якобы поздними пришельцами на исконно грузинские земли, об отсутствии генетической связи между современными абхазами и древними автохтонами края.

Конечно, нужно немало личного мужества, чтобы противопоставить свою принципиальную позицию мнению большинства. Однако гуманистические традиции этнографической науки накладывают на ее служителей высокий нравственный императив, по которому любое профессиональное действие этнографа, любое его печатное или публичное слово должны идти во благо народов, а в трагические дни межнациональных распри они должны быть нацелены прежде всего на умиротворение страстей, на прокладывание дороги ко взаимному пониманию. Только так этнографы смогут выполнить свой профессиональный и гражданский долг.

Ю. Д. Анчабадзе

Примечания

¹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. М.; Л., 1962. III. С. 177—180; Волкова Н. Г. Материалы экономических обследований Кавказа 1880-х годов как этнографический источник // КЭС. М., 1984. VIII.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

© 1990 г.

И. Г. Косиков. Этнические процессы в Кампучии *. М., 1988, 230 с., илл.

Рецензируемая книга — исследование этнической ситуации в Кампучии, сложившейся после освобождения от колониальной зависимости — с 1953 г. до середины 1980-х годов — явилась итогом многолетних занятий автора проблемами этнического и культурного развития народов этой страны, уже нашедших частичное отражение в изданиях Института этнографии АН СССР и в книге «Кампучия» (М., 1982).

Этнографическое изучение Камбоджи в советской науке, начавшееся с публикации в 1958 г. статьи С. А. Арутюнова и С. И. Брука «Население Камбоджи» («Советская этнография», № 3) и издания в 1959 г. карты этнического состава населения Индокитая (составитель — С. И. Брук), а также с выходом в свет тома «Народы Юго-Восточной Азии» было продолжено рядом работ Я. В. Чеснова, Б. С. Пошерстника. Данные о демографической ситуации в стране содержатся в появившихся сравнительно недавно справочниках «Население мира» (автор — С. И. Брук, 1986), в работе А. Р. Вяткина «ЮВА: демографический анализ» (М., 1984) и др. Однако в этнодемографическом изучении Камбоджи до недавнего времени оставалось все же много пробелов.

Новый, обширный фактический материал, введенный в научный обиход И. Г. Косиковым, и его глубокий, многоаспектный анализ обеспечивают этой книге уникальное положение среди трудов советских ученых, посвященных исследованию современной Камбоджи. Успеху проведенного исследования в значительной степени способствовало то обстоятельство, что автору довелось в течение нескольких лет (1966—1968, 1970—1973 гг.) работать в Камбодже и собственными глазами наблюдать напряженное состояние межнациональных отношений.

Благодаря владению кхмерским языком он имел доступ к многочисленным местным публикациям по данному вопросу и пристально следил за деятельностью средств массовой информации, не только отражавших этническую ситуацию, но и в большой степени способствовавших ее формированию. Привлечение практически всей относящейся к проблематике научной литературы — отечественной и зарубежной — дало И. Г. Косикову возможность с завидной полнотой и точностью проанализировать этнические процессы в Камбодже. Чтобы показать условия, в которых протекали этнические процессы, автор разворачивает перед читателем панораму событий политической, социально-экономической и культурной жизни народов Камбоджи за 30-летний период после обретения независимости.

* С 30 апреля 1989 г. государство называется Камбоджа.

Первая глава содержит характеристику природных демографических и социально-экономических факторов, влияющих на этнические процессы, вторая — описание этнического состава населения и межэтнических отношений — картина эта дается здесь как бы в статике. Анализ динамики этнических процессов ожидает читателя в следующих четырех главах (и заключениях), связанных с четырьмя временными отрезками, на которые автор членит исследуемый период независимого развития страны: 1953—1970 гг. — относительно «мирный» период, 1970—1975 гг. — период обострения этнических противоречий в годы правления Лон Нола, 1975—1978 гг. — период геноцида при Пол Поте и, наконец, с начала 1979 и до середины 1980-х годов — постепенный выход из состояния демографического кризиса и межнациональных коллизий.

Задачу исследования этнодемографической структуры населения и влияния государственной политики на ход этнических процессов в Камбодже автор решает с большой основательностью. История подавления государственной машиной духа этнического «вольнолюбия» описана ярко, информация для размышления читателю выдается щедрой рукой. С большой силой рисует автор картину этнодемографической катастрофы, пережитой народами Камбоджи, когда было загублено огромное число человеческих жизней, на долгие годы была искажена естественная структура населения, затормозился его рост, массы людей насильственно переселялись из одних районов в другие, сменяли один другой процессы «гиперурбанизации» и «дезурбанизации», проводился геноцид по отношению практически ко всем этническим компонентам населения.

Специфика демографической статистики в случае Камбоджи состоит в отсутствии точных данных (последняя перепись в стране была проведена в 1962 г.) и в необходимости пользоваться гипотетическими цифрами, часто сильно различающимися: так, число жертв насилия при Лон Нол оценивается в 0,5—1,0 млн. человек, при Пол Поте — по минимальным оценкам, от 0,5 до 1,5 млн. человек, а по максимальным — от 2,7 до 3 и более млн. Автор обосновывает в книге свою точку зрения. Он, в частности, считает максимальной цифру загубленных камбоджийцев завышенной, так как занижается до 4 млн. чел. общая численность населения, пережившего полпотовские времена, а ее следовало бы увеличить до 6 млн. чел. с учетом беженцев, покинувших страну.

Сложенная И. Г. Косиковым из отдельных, скрупулезно собранных фрагментов внутренних и внешних миграций картина «великого переселения народов» поистине впечатляюща: к середине 70-х годов в процесс внутренних миграций был втянут каждый третий камбоджеец (это было преимущественно вынужденное движение из сельской местности в города, а при Пол Поте насильственному переселению — депортации — подверглись $\frac{2}{3}$ жителей). Смысл этих мероприятий, при которых камбоджийцев из южных и юго-восточных районов перегоняли в безлюдные северо-западные районы, не сводился к исправлению исторически сложившегося неравномерного размещения, в частности контраста между югом и центром, с одной стороны, и северо-востоком — с другой. Известно, например, что юг и центр, наименее благоприятные для земледелия, оказались наиболее заселенными, в том числе благодаря удаленности от границ с воинственными соседями. Но при Пол Поте переселение осуществлялось во имя создания «монолитного» общества, путем разрушения традиционных семейных и межличностных связей. Достижение (по оценке 1987 г.) численности населения в 8 млн. человек — результат восстановления мирной жизни после краха режима Пол Пота. Однако пребывание сотен тысяч камбоджийцев в эмиграции и в настоящее время (в том числе 275 тыс. чел. в лагерях для беженцев в Таиланде) свидетельствует о том, что полная стабилизация демографической ситуации еще не достигнута.

В книге помещены несколько авторских таблиц, характеризующих динамику численности и изменение структуры населения по годам. Окончательные итоги изучения этнического состава населения Камбоджи, выверенные по всем доступным источникам, включая полевые материалы автора и данные опросов информаторов-кампучийцев, сведены в таблицу № 12 (с. 90). Обращение к этой таблице поможет устранить отдельные ошибки, допущенные некоторыми авторами (Ю. П. Деметьевым, Г. А. Шпажниковым, А. Р. Вяткиным) при освещении этнического состава населения Камбоджи, таких, например, как упоминание монов, кхаси и ма, фактически не живущих на территории этой страны. Несколько авторских карт в книге дают наглядное представление о порайонной плотности населения, а также расселении в стране различных этносов.

В работе И. Г. Косикова впервые в советской этнографической литературе содержится рассказ о судьбах китайской, вьетской и тямской общин в Камбодже во второй половине XX в. Территория Камбоджи, как известно, издавна была местом, куда благодаря практической неконтролируемости границ, как из переполненных чаш, переливалась часть населения соседних стран — Вьетнама, Китая, Лаоса и др. Исследуя характер межэтнических отношений в стране, автор прослеживает связь между их обострением и провокационной политикой натравливания народов друг на друга, проводившейся колонизаторами. Однако на наш взгляд, несколько большего внимания заслуживала бы оценка существования культурной автономии, предоставлявшейся в прошлом в кхмерском обществе народам иной, нежели кхмерская, языковой и религиозной ориентации (возможность иметь свои школы, храмы и мечети). Ведь это обстоятельство резко контрастирует с политикой дискриминации этих же народов в бурные 60—70-е годы, когда правящие круги проводили поголовную кхмеризацию нехмеров.

Политика надругательства над человеческими правами и национальным достоинством нехмерской части населения, сопровождавшаяся неслыханным притеснением и самих кхмеров, проводилась в атмосфере националистического угара, зародившегося еще при Сиануке и достигшего апогея при Пол Поте. Игнорируя пестроту реального этнического состава населения страны, конституции, принятые при этих лидерах, выделяли одних только кхмеров. Лон Нол, например, заявил о расовой исключительности кхмерского этноса и о «священной исторической миссии кхмеров» — объединить всех мон-кхмеров ЮВА (почему-то в их число были включены и тямы)

вокруг кхмеров — единственного из этих народов, имеющего свое государство. Для осуществления этих планов был создан специальный институт, названный сначала мон-кхмерским, а затем переименованный в кхмер-монский для акцентирования ведущей роли кхмеров. Как резерв для пополнения «кхмер-монов» рассматривались все народы Камбоджи, а для облегчения их «этнической перестройки» государственным языком был объявлен кхмерский, религией — буддизм (позже, при Пол Поте, религия и вовсе была отменена).

Численность вьетов, начиная с XVII в. спасавшихся от всякого рода нападений на родине, — будь то религиозные преследования (речь идет о вьетах-католиках), безземелье, нищета, военные действия — и искавших счастья в соседней Камбодже, была в разные времена величайшей переменной. Колебания ее на протяжении 30 с лишним лет (этот отрезок времени исследуется в книге) поистине впечатляющи: от полумиллиона в середине 60-х годов до 56 тыс. человек в 80-е годы. В разные годы чередовались потоки вьетнамцев-беженцев из Южного Вьетнама в Камбоджу и в обратном направлении — в зависимости от менявшегося характера контактов между двумя государствами и от политики сайгонского режима в отношении к кхмерскому меньшинству, проживающему на юге Вьетнама. Вьетская община в Камбодже образовывалась из приезжающих семей, которые в дальнейшем поддерживали регулярную связь с соотечественниками и питали надежду на возвращение на родину. Вьеты сохраняли свой язык, обычаи, не меняли навыков материальной культуры, редко вступали в смешанные браки. С конца 60-х годов и до падения режима Пол Пота вьеты пережили в Камбодже тяжелые времена: для них был закрыт доступ ко многим профессиям, их истребляли, сгоняли в спецлагеря, надругались над их кладбищем в Пномпене. Ненависть, насаждавшаяся при Пол Поте к вьетам, распространялась также и на кхмеров, переселившихся из Южного Вьетнама, который истребляли под предлогом, что у них «тело кхмеров, а душа вьетов». Уничтожали детей от смешанных браков (кхмеро-вьетских), расстреливали семьи кхмеров, имевших вьетскую родню. В таких условиях вьеты вынуждены были покидать пределы Камбоджи. После падения Пол Пота десятки тысяч вьетов вернулись в эту страну.

Китайцы, которых в Камбодже в 1950 г. было 130 тыс. чел. в середине 60-х годов — 450 тыс. человека, а ныне — от 100 до 320 тыс. человек (по разным оценкам), представляют собой лишь небольшой фрагмент китайской диаспоры, распространившейся по всем частям света, но особенно многочисленной в других странах ЮВА (например в Таиланде их более 5 млн. чел.). Большая часть китайцев в Камбодже (60%) живет в городах, главным образом в Пномпене. Род их деятельности — торговля, промышленность, банковские операции, обработка, транспортировка и сбыт риса, выращивание овощей. Реплика автора (с. 83 — со ссылкой на канадского ученого В. Вилмота) о том, что «трудящиеся элементы составляют только 15% кампучийских хуацзю», едва ли справедлива по существу, так как 85% китайцев, проживающих в этой стране, оказываются отлученными от труда, представляются эксплуататорами, лишь паразитирующими на теле кхмерского общества и противопоставленными ему. Отношение к китайцам со стороны кхмерской этнической среды, вероятно, всегда было противоречиво. Это связано и с реальным экономическим соперничеством, которого, как правило, не выдерживали кхмерские буржуа ввиду большей умудренности китайцев в ряде отраслей экономики, во-первых, а также с извечной неприязнью со стороны кхмерских крестьян к китайским торговцам в деревне, во-вторых. Эти и некоторые другие факторы способны были создать отчужденность в межэтнических отношениях даже в период относительного политического «затишья». Немалую роль сыграло и то, что китайцы в принципе не склонны отказываться от своего «этнического лица» и активно сопротивляются всегда и везде попыткам их ассимиляции. Они сопротивлялись политике ассимиляции, проводившейся администрацией Камбоджи. Вместе с тем на протяжении своего длительного «вкрапления» в среду кхмеров они охотно вступали в браки с местными женщинами, и китайская кровь течет, по неофициальным данным, в жилах примерно четверти кхмеров.

Выделение в составе населения Камбоджи специальной группы, именуемой И. Г. Косиковым «сино-кхмерами» или «сино-кампучийцами», — потомков от этих смешанных браков — несколько неожиданно, так как китайцев по-русски не называют «синами». Оно может свидетельствовать, на наш взгляд, о непризнании их полноправными кхмерами, или, в зависимости от желания, китайцами. Именно такая ситуация явственно обнаружила себя в периоды разгула шовинизма. Кстати, несколько неясным остается все-таки момент этнической дефиниции автором лиц смешанного кхмеро-китайского происхождения. Так, на с. 102 он приводит точку зрения западных исследователей о таком своеобразном «тесте»: если после смерти метиса хоронят, значит, он был китайцем, а того, кого сжигают, можно признать кхмером. Нам представляется, что если уж отказываться судить по одному какому-то признаку об этнической принадлежности человека, то только по его самосознанию. Попытки со стороны вникнуть в этот тонкий вопрос могут быть тщетными, в частности по причине той социальной мимикрии, к которой вынуждены прибегать представители дискриминируемого этноса и примером которой (взятым из рецензируемой книги, с. 142) является приглашение китайцами во избежание осложнений при устройстве траурной процессии кхмерских буддийских монахов.

Автор книги убедительно показывает, что на долю китайцев, как и вьетов, выпал тот же ряд притеснений, выразившихся в принятии направленных против них законов, ограничивавших профессиональную деятельность, в манипулировании гражданством как средством противопоставления натурализовавшихся китайцев, фактически получивших гражданские права ценой утраты этничности тем, кто этих прав лишился, поскольку стремился сохранить свой этнический статус.

Как следует из всего сказанного выше, из рецензируемой книги читатель получает ценную, как правило, из первых рук, информацию о 30-летнем периоде этнической истории народов Камбоджи, значительная часть которого протекала в экстремальных условиях, когда имели место

резкие этнодемографические перемены, бурные преобразования во всех сферах традиционной культуры, приводившие к изменению этнического облика народов, межнациональные отношения были напряженными, а процессы интеграции и ассимиляции шли под сильным прессом государственной власти. Однако поскольку о конечном результате — переходе в новое этническое состояние — можно судить по этническому самосознанию, а нам трудно характеризовать его, так как, во-первых, нет достаточного количества данных, а, во-вторых, те, что имеются, могут исказить истинную картину ввиду той же этнической мимикрии. Как отмечал французский исследователь Ж. Пуваччи, «степень ассимиляции иностранцев с основным (кхмерским) населением зависела... и от того, удавалось ли им избежать дискриминации... в профессиональной сфере».

Погружаясь вместе с автором книги в размышления о перипетиях судеб народов Камбоджи, задаешься вопросом, правомерно ли исследование этнических процессов в период социальных и этнических катаклизмов. Мне представляется, что в такие периоды накапливается определенная сумма факторов, способных влиять на ход этнических процессов в дальнейшем, когда рассеивается националистический угар, положение народов нормализуется, и страх перед репрессиями со стороны государственной машины перестает довлеть над человеческим сознанием и над этническим самосознанием как его частью. Возникновение новых направлений в течении этнических процессов или развитие их в прежнем русле, но с неизменной интенсивностью будет следствием пережитого в годы стрессовой этнической ситуации (если это можно отделить от результата политики в новых условиях).

Сделанные замечания отнюдь не означают умаления заслуг автора, они скорее объясняются жанром книги — не привычным для нас кабинетного исследования, а исследованием-репортажем, анализирующего наблюдаемый объект (межэтнические отношения и этнические процессы) с очень близкого расстояния и фиксирующего их в состоянии, еще не упорядоченном аналитической мыслью исследователя. Книга И. Г. Косикова, сочетающая в себе достоинства глубокого анализа этнодемографических процессов в Камбоджи с интонацией страстной публицистичности, заслуживает самой высокой оценки и является значительным вкладом в корпус исследований советских ученых по этнографии Юго-Восточной Азии.

Е. В. Иванова

© 1990 г.

V. M. C. Groenendaal van. *Wayang Theatre in Indonesia. An Annotated Bibliography.* Dordrecht (Holland), 1987. 221 p.

Индонезийский театр (*ваянг*) более двух столетий привлекает внимание исследователей. Пожалуй, нет другого восточного театра, который мог бы с ним сравниться количеством посвященных ему работ. Неиссякаемый интерес к ваянгу обусловлен не столько его высокими художественными достоинствами, сколько его важной ролью в традиционном обществе Явы и Бали, его тесной и до сих пор живой связью с религией. Главный вклад в изучение ваянга внесли голландские ученые; они положили начало систематическому описанию яванских театральных представлений, плодотворно продолжают заниматься его исследованиями и поныне. В XX в. к ним присоединились местные специалисты, участие которых в исследованиях ваянга все возрастает. После второй мировой войны появился ряд серьезных работ, принадлежащих этнографам других стран, но на сегодняшний день основное «ядро» литературы о ваянге составляют труды голландских и индонезийских авторов.

Ко многим фундаментальным работам по ваянгу прилагались длинные списки использованной литературы. С годами, естественно, они становились все обширней, однако до самого последнего времени отдельной сводной библиографии опубликовано не было. Этот пробел в научном исследовательском аппарате ощущался, вероятно, всеми, кто, не будучи узким специалистом по ваянгу, так или иначе соприкасался в своей работе с индонезийским театром. Необходимость в такого рода пособии становилась все очевидней. И вот, наконец, в 1987 г., под эгидой Лейденского института языка, этнографии и народного искусства, такая книга вышла в свет. Ее автор, В. М. К. ван Грунendaal (р. в 1935 г.), изучала этнографию и яванский язык в университетах Голландии, в 1976—1978 гг. собирала полевой материал на Яве, в 1982 г. защитила диссертацию на тему о роли яванских далангов (исполнителей представлений) в явано-индонезийском обществе (диссертация опубликована на английском языке в 1985 г.¹). В ходе подготовки диссертации и была составлена названная библиография. В ее основе лежит литература библиотеки Лейденского института, частично дополненная изданиями, найденными автором на Яве.

В библиографию вошло 564 названия, охватывающие период с 1779 по 1983 г. включительно. Это монографии, статьи (за исключением газетных), каталоги, доклады. Аннотации переведены на английский язык. В вводной части ван Грунendaal перечисляет разновидности ваянга, сопровождая их краткими определениями, дает краткий обзор литературы, в которой она выделяет три этапа: 1) до 1900 г.; 2) 1900—1945 гг.; 3) 1945—1983 гг. Заключают библиографию ценные справочные материалы: словарь терминов, указатели фамилий исследователей, персонажей ваянга, пьес и сюжетов ваянга.

Библиография ван Грунendaal, бесспорно, послужит полезным пособием для всех, кто приступает к изучению индонезийского театра, пособием, позволяющим ориентироваться, не тратя лишнего времени, в огромной литературе по ваянгу.